
pocket**book**

rocket**book**

Илья Репин

Далекое близкое
Автопортрет
на фоне эпохи

Москва
2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р41

Оформление *Андрея Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция картины
«An Out-of-Doors Study», 1889 г.,
художника Джона С. Сарджента
(John S. Sargent (1856-1925))

Репин, Илья Ефимович.

Р41 Далекое близкое. Автопортрет на фоне эпохи /
Илья Репин. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101992-1

Илья Ефимович Репин — один из самых известных русских художников, чьими «живыми» портретами, жанровыми композициями, артистичной манерой письма восхищались и восхищаются ценители искусства. Он оказался еще и талантливым мемуаристом. Его автобиографическая книга — картина целой эпохи в истории России. В.В. Стасов, музыкальный и художественный критик, отзывался в книге так: «Это чудо что такое!.. Вот как надо писать...»

В наше издание вошла автобиографическая часть книги «Далекое близкое». В ней воспоминания о детстве, о годах учебы в Петербургской академии художеств, об учителе и друге И.Н. Крамском, о работе над первым значительным произведением — картиной «Бурлаки на Волге».

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Текст, издательство «Око», 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101992-1

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Почти никто из русских художников не пользовался такой прижизненной славой, как Илья Ефимович Репин. Современники восхищались его до иллюзии «живыми» портретами и многофигурными жанровыми композициями, артистичной манерой письма, а в социальном плане — умением обозначить самые злободневные проблемы русской жизни.

Репин родился в 1844 году в маленьком провинциальном городке Харьковской губернии — Чугуеве, в семье военного поселенца. Тогда никому даже в голову не могло прийти, что этот обычный мальчишка станет великим русским художником.

Илья стал посещать уроки местной школы, где учились топографии, после закрытия которой продолжил обучение в мастерской у иконописца Н. Бунакова, а овладев навыками рисования, пятнадцатилетний Репин стал частым участником росписи многочисленных церквей в селах. Через четыре года, накопив 100 рублей, будущий художник отправился в Петербург, где собрался поступить в Академию художеств.

Не поступив сразу, он стал слушателем подготовительной художественной школы при Обществе поощрения художеств. Среди первых его преподавателей в школе был И. Н. Крамской, который еще долго был верным наставником Репина. На следующий год Илью Ефимовича приняли в Академию, которую Репин закончил в 1871 году уже состоявшимся во всех отношениях художником.

Но прославленный русский живописец был также талантливым мемуаристом. Его автобиографическая книга «Далекое близкое» — картина целой эпохи в истории России. К. И. Чуковский писал о ней: «В его книге превосходный язык — пластичный, свежий, выразительный и самобытный до дерзости язык, не всегда покорный мертвым грамматическим правилам, но всегда живой, живописный». Ему вторил известный музыкальный и художественный критик В. В. Стасов: «Это чудо что такое!.. Вот как надо писать...»

В настоящее издание вошла автобиографическая часть книги «Далекое близкое». Это воспоминания о детстве, о годах учебы в петербургской Академии художеств, об учителе и друге И. Н. Крамском, о работе над первым значительным произведением — картиной «Бурлаки на Волге». Написанная живым, самобытным языком, книга станет увлекательным и познавательным чтением для самого широкого круга читателей.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДЕТСТВА 1844—1854

Объезд диких лошадей. Калмык

В украинском военном поселении, в городе Чугуеве, в пригородной слободе Осиновке, на улице Калмыцкой, наш дом считался богатым. Хлебопашеством Репины не занимались, а состояли на положении торговцев и промышленников. У нас был постоянный двор.

Домом правила бабушка. Широко замотанная черным платком, из-под которого виден был только бледный крупный нос, она с раннего утра уже ворчала и бранилась с работниками и работницами, переворачивая кадки и громадные чугуны, проветривавшиеся на дворе.

Кругом большого светлого двора громоздились сараи, заставленные лошадьми и телегами заезжего люда. Повсюду стояла грязь, коричневые лужи и кучи навоза.

Днем широкие ворота на Калмыцкую улицу оставались открытыми, и через них поминутно въезжали и выезжали чужие, проезжие люди. Становились как попало на дворе или в сараях и хозяйничали у своих телег: подпирали их дугами, снимали и подмазывали дегтем колеса черными квачами¹ из мазниц. Лошади с грубой дерзостью таскали из рептухов² сено, большая часть его падала им под ноги, в навоз, и затапывалась.

¹ *Квач* — кисть для смазки колес (*укр.*).

² *Рептух* — полог из грубой пряжи для подстилки под зерно или сено.

Отец мой, билетный солдат¹, с дядей Иваном занимались торговлей лошадьми и в хозяйство не мешались.

Каждую весну они отправлялись в «Донщину» и приводили оттуда табун диких лошадей.

На месте, в степях, у богатых донских казаков-атаманов, лошади плодились круглый год на подножном корму и потому стоили дешево (три-пять рублей за голову), но пригнать из-за трехсот верст верхом и объездить дикую лошадь составляло серьезное и трудное дело. Отец говорил:

— Тут без помощи калмыков ничего не выйдет, одно несчастье!

Дядя Иваня, вечно на коне, в шапке — кучме (папахе), был черен, как черкес, и ездил не хуже их, но калмыкам удивлялся и он. Калмык с лошадыю — одна душа. Опрометью бросившись на лошадь, вдруг он гикнет на табун так зычно, что у лошадей ушки на макушке, и они с дрожью замрут, ждут его взмаха нагайкой, в конце которой в ремне вшита пуля. Одним ударом такой нагайки можно убить человека.

У нас на Руси широки столбовые дороги, есть где табуну пасть на даровой траве и отдохнуть всю ночь. Но боже упаси заснуть погонщику близ яровых хлебов! Дикие кони тихой иноходью — уже там, в овсах, и выбивают косяк чужого хлеба.

Проснулись хохлы-сторожа, с дубинами и кольями бегут загонять табун... Поди выкупай! Калмык убил бы себя нагайкой в лоб за такую оплошность. Привязанный к его ноге горбоносый донец заржет вовремя и так дернет крепко спящего хозяина, таща его по кочкам к табуну, что только мертвец не проснется. Как лошадиный хвост от комаров, калмык взмахнется на своего поджарого и так зычно гикнет на лету на лошадей, что

¹ То есть солдат, освобожденный от военной службы по медицинскому свидетельству — «белому билету».

самому ему останется только исчезнуть в облаке чернотемной пыли, взбитой табуном. А хохлы с дубинами долго еще стоят, разинув рот... Наконец перекрестятся:

— Оце, мабудь, сам чортяка! А хай йому біс!..¹ Нечиста сила!

В углу нашего двора были широкие ворота на пустошь, которая оканчивалась кручей к Донцу, заваленной целыми горами лошадиного навоза. Что было бы здесь, если бы в половодье Донец не уносил своим течением всего этого золота вместе с обвалившимися берегами кручи! Посредине пустоши был врыт крепкий столб. Сюда загоняли табун, и здесь начинали учить диких лошадей житейской добродетели в оглоблях и седле.

При малейшем беспокойстве лошади неслись в какой-нибудь угол пустоши и там сбивались в каре. Дружно, головами вместе, они начинали так энергично давать козелки задними ногами, что комки земли и навоза далеко отлетали в лицо подходящим. С косыми огненными взглядами и грозным храпом степняки казались чудовищами, к ним невозможно было подступить — убьют!

Но у калмыка аркан уже методически свернут кольцами. И вот веревка змейкой полетела к намеченной голове, по шее скатилась до надлежащего места, и чудовище в петле. Длинный аркан привязывают к столбу и начинают полегоньку отделять дикую от общества, подтягивая ее к центру двора. Любезностями на конском языке междометий ее стараются успокоить, обласкать. Но чем ближе притягивают ее к столбу, тем бешенее становятся ее дикие прыжки и тем энергичнее старается она оборвать веревку: то подскакивает на дыбы, то подбрасывает задними копытами в воздухе. И кажется, что из раздутых красных ноздрей она фыркает огнем.

¹ Это, верно, сам чертяка! А чтоб ему бес!.. (укр.)

До столба осталось уже не больше сажени. Конь в последний раз взвился особенно высоко на дыбы, и, когда он стал опускаться, калмык вдруг бросился ему прямо в объятия, повис на шее и, извернувшись, в один миг уже сидел на его хребте. Тогда с обеих сторон схватились за гриву наши работники, повисли на ней и стали подбивать в чувствительные места под передние ноги. Лошадь пала на колени, и голова ее очутилась во власти третьего работника: он захватил ее верхнюю губу, зажал и, завязав между особо приспособленными деревяшками, начал ее закручивать. Оскалились длинные белые зубы, открылись десны, и лошадь оцепенела от боли и насилия. Ей наложили на спину седло, продели под живот подпруги, затянули крепко пряжки, а калмык уже разбирает казацкие стремяна, сидя на высоком седле. Несут и уздечку, продели между зубов удила (трэнзель), чтобы лошадь не закусила...

— Отвяжите аркан! — командует калмык пересохшим голосом.

Аркан сняли с потемневшей шеи, и работники миготом отскочили в разные стороны.

Лошадь еще лежала под калмыком, тяжело дыша.

Калмык взмахнул в воздухе нагайкой, и конь подскочил, встряхнулся. И вдруг стал извиваться змеей и метаться в разные стороны, стараясь стряхнуть с себя седока; и опять начались дикие прыжки, взвывание на дыбы и козелки, чтобы сбросить непривычную тяжесть.

Калмык крепко зажал коня икрами в шенкеля и повернул его к воротам. «Отворяйт ворота!» — визжит калмык. Нагайка свистнула, и конь мгновенно получил с одного маху по удару с обеих сторон по крупу. Он прыгнул вперед и понесся в ворота. Калмык гикнул на всю улицу; эхо отозвалось в лесу за Донцом. Пешеходы отскочили в испуге, бабы стали креститься, дети весело завизжали. Калмык стрелой понесся по большой дороге мимо кузниц, за Донец... Скоро и след его простыл, только столб пыли висит еще в воздухе...

Часа через четыре никто не узнал бы возвращавшегося к нашим воротам калмыка. Лошадь плелась, пошатываясь, опустил мокрую голову с прилипшей к шее гривой; она была совсем темная. Калмык сидел спокойно и сосал свою коротенькую трубочку, подняв плоское лицо кверху; глаза его, «прорезанные осокой», казались, спали.

Хорошо обошлась школа, добрый конь будет.

Но не всегда объездка проходила так удачно. Однажды калмык не «спапашился» и, кинувшись на шею взвившейся на дыбы лошади, угодил лицом под переднее копыто. Широкое лицо его мигом залилось кровью, но калмык не опешил: отплеываясь собственной кровью, он умело барахтался между ногами лошади и привычно пролез на спину коня и уселся верхом как следует; но в каком виде!.. Лошадь, очевидно, была бешеная, движения ее были сумасшедшие и сбивали с толку опытного калмыка. Застыв на минуту под всадником, дикое животное вдруг выкинуло такой зигзаг, что всадник едва не слетел и удержался только за гриву, а лошадь с размаху рухнула к столбу... Внутри у нее что-то лопнуло, горлом хлынула алая кровь, и она пала. Кстати, и калмыку необходимо было слезть и сделать себе перевязку: через нос и скулу у него шла глубокая рана и сочилась черной кровью.

При этой оказии я, бросившись в сторону, упал лицом в землю и набрал себе полон рот песку. Гришка Копьев, наш работник, взял меня на руки, своей корявой рукой вытер мне лицо и пальцем вычистил песок из моего рта. И его рыжая веснушчатая рука, и сам он мне очень нравились. Мне так было весело и спокойно сидеть у него на руках и смотреть на все свысока! Я близко разглядывал его рыжую бородку, скобку волос и широкую скулу. Но на зубах у меня еще трещала земля.

Гришку я любил; он ездил верхом не хуже калмыка и нисколько не боялся лошадей. Раз на воро-

ном жеребце, — того на цепях выводили, — когда конь поднялся на дыбы, Гришка так «огрел» его кулаком между ушей, что жеребец даже на передние ноги сел... Я бывал счастлив, когда Гришка брал меня верхом на водопой. Сижу я перед ним на холке коня и замираю от ужаса, когда конь идет в глубокую бездну воды: бездонная пропасть казалась мне ужасной. Облака! Но вот на дне облака заколыхались, лошадь стала бить ногой по воде. Кругом запенилось. Как весело! Брызги летят до самого лица — приятно, и страх провалиться вниз, в облака, прошел.

Когда табун угоняли на ярмарку, чумаки на этой пустоши варили себе кашу, и тут же лежали их волы, пережевывая жвачку и тяжело дыша.

Нам, детям, очень нравилось смотреть на их котелок, висящий на кольях, в треугольнике, когда под ним так весело горит огонек и стелется к Донцу голубой дымок. Лица у чумаков так черны, что даже огонек их не освещает; и рубахи их и штаны вымазаны детем. «От так здоровіше», — говорили они. И руки коричневые, только ногти да зубы белые.

Мы с сестрой Устей долго их боялись и не подходили близко, хотя бегали около, играя в коня. Я держал веревочку в зубах и старался прыгать, как дикая лошадь. Устя была за кучера.

Видим, один чумака ласково улыбнулся белыми зубами и протянул нам хорошую светлую веревочку. Я взял ее в зубы вместо своей: она была очень вкусна — совсем тарань, соленая. Они везли тарань из Крыма.

— Вы это сами кашу себе варите? — спросила Устя. — Разве вы умеете?

— А хибя ж! Оце... Тай дурень кашу зварить, як пшено та сало.

И чумака дал нам попробовать горячей дымящейся каши из огромной деревянной ложки, отвязав ее от пояса.

— Ай как вкусно! — сказала Устя. — Попробуй!

Я едва достал из глубокой ложки и хотел уже пальцами достать остатки — так вкусно! Чудо!

— А постривай, хлопче, я тобі ще зачерпну¹. — Я обжигался, но не мог оторваться...

Днем, укрываясь от солнца, чумаки лежали под телегой с таранью, среди двора, и ели чухоню — огромную светлую соленую рыбу. Заверотив книзу чешуйчатую кожу, чумаки с наслаждением смаковали ее понемногу, прикусывая черный хлеб громадными кусками.

— А разве чухоня вкусная? — спросила Устя. Я стоял за ее спиной и удивлялся ее смелости.

— Эге ж! Та як чухоня гарна², та хліб м'який, так геть тики хунтова.

Фунтовой рыбой назывались осетрина, белуга, севрюга, продававшиеся по фунтам. Тарань продавалась вязанками, а чухоня — поштучно.

Военное поселение

Некоторые пишущие о художниках называли меня казаком, — много чести. Я родился военным поселенцем украинского военного поселения. Это звание очень презренное, — ниже поселян считались разве еще крепостные. О чугуевских казаках я только слышал от дедов и бабок. И рассказы-то все были уже о последних днях нашего казачества. Казаков перестроили в военных поселенцев.

О введении военного поселения бабушка Егупьевна рассказывала часто, вспоминая, как казаки наши выступили в поход прогонять «хранцуза» «аж до самого Парижа», как казаки брали Париж и уже везли домой оттуда кто «микидом», кто «мусиндиле» и шелку на платья своим хозяйкам.

¹ А погоди, парень, я тебе еще зачерпну (укр.).

² Гарна — хорошая (укр.).

Часто рассказывала бабушка о начале военного поселения, — как узнала она от соседки Кончихи, что город весь с ночи обложен был солдатами. «Верно, опять ханцуз победил, — догадывались казаки, — и наступает на Чугуев. Ханцуз дурак. Сказали, вишь, ему, что чугунный город, а у нас одни плетни были. Смех!»

Бабы напекли блинов и понесли своим защитникам — солдатушкам: «Может, и наших в походе кто покормит». Но солдаты грубо прогнали их: «Подите прочь, бабы! Мы воевать пришли. Начальство, вишь, приказало не допускать: казачки могут отраву принести».

В недоумении стали мирные жители собираться кучками, чтобы разгадать: солдат сказал, что и «город сожгут, если будете бунтовать». Стояли мирно, озабоченные, и толковали: «Вот оказия!»

К толкующим растерянным простакам быстро налетали пришлые полицейские и патрули солдат: требовали выдачи бунтовщиков. Большинство робко пятилось. Но казаки — народ вольный, военный, виды видали, а полиции еще не знали.

— Каки таки бунтовщики? Мы вольные казаки, а ты что за спрос?

— Не тыкай — видишь, меня царь пуговицами потыкал. Взять его, это бунтовщик!

Смельчаков хватали, пытали, но так как им оговаривать было некого, то и засекали до смерти.

Такого еще не бывало... Уныние, страхи пошли. Но местами стали и бунтовать. Бойкие мужики часто рассказывали о бунтах, захлебываясь от задору. Особенно отличалась Балаклея, а за нею Шебелинка. Казачество селилось на возвышенностях, и Чугуев наш стоит на горе, спускаясь кручами к Донцу, и Шебелинка вся на горе. Шебелинцы загородились телегами, санями, сохами, боронами и стали пускать с разгону колесами в артиллерию и кавалерию, подступившую снизу.

— А-а! Греби его колесом по пояснице! — кричали

с горы расходившиеся удалыцы. — Не могём семисотную команду кормить!

Развивая скорость по ровной дороге, колеса одно за другим врезывались в передние ряды войска и расстраивали образцовых аракчеевцев. Полковник командовал:

— Выстрелить для острастки холостыми! Куда!

Только раззадорились храбрецы.

— Не бере ваша подлая крупа, — за нас бог! Мы заговор знаем от ваших пуль. Не дошкулишь!

Но когда картечь уложила одну-две дороги людьми, поднялся вой... отчаяние... И — горе побежденным... Началось засекание до смерти и все прелести восточных завоевателей...

Прежде всего строили фахверковые казармы¹ для солдат. Нашлось тут дело и бабам, и девкам, и подросткам. Для постройки хозяйственным способом из кирпича целого города Чугуева основались громадные кирпичные заводы. Глины кругом — сколько угодно, руки даровые — дело пошло быстро.

Из прежних вольных, случайных, кривых чугуевских переулков, утопавших во фруктовых садах, планировались правильные широкие улицы, вырубались фруктовые деревья и виноградники, замащивались булыжником мостовые циклопической кладки — Никитинской и широкой Дворянской улиц.

Бабы по ночам выли и причитали по своим родным уголкам, отходившим под казенные постройки, квартиры начальству, деловые дворы, рабочие роты и воловьи парки.

¹ *Фахверковая конструкция* (от. нем. *Fachwerk* — каркасная конструкция) — тип строения, при котором несущей основой служат вертикально установленные несущие столбы, являющиеся, наряду с распорными наклонными балками, опорной конструкцией здания. Эти несущие столбы и балки видны с наружной стороны постройки и придают зданию характерный вид. Пространство между балками заполняется глинобитным материалом или кирпичом.